

Как это ни парадоксально, но именно благодаря жгучести для Византии грозной проблемы взаимоотношений с варварами труды ранневизантийских историков, несмотря на различия в отношении к варварским племенам, стали лучшими, если не единственными, источниками по истории многих варварских народов, с которыми сталкивалась империя в эти столетия. В их сочинениях перед читателем проходят длинной чередой варварские племена гуннов, готов, вандалов, алан, гепидов, франков, лангобардов, славян, антов, авар, тюрков и многих других. Труды историков изобилуют рассказами об их быте, военной тактике, общественном устройстве. Не все в описаниях общественного строя варваров византийскими историками объективно и правдиво, многое освещено или намеренно тенденциозно, или просто неверно, порою из-за недостаточной осведомленности авторов. Однако если приять во внимание, что эти варварские народы сами еще не имели своих историков (за исключением гота Йордана), то следует признать, что византийские писатели IV — первой половины VII в. оказали историографии неоценимую услугу, выветив во мраке неизвестности, хотя и с неодинаковой яркостью, жизнь варварских народов, окружавших плотным кольцом Византию.

Подводя некоторые итоги сказанному, мы хотим еще раз подчеркнуть, что все ранневизантийские историки выросли непосредственно из античной историографии, основой их трудов являются лучшие произведения античной исторической мысли; они не только хорошо знали и высоко ценили сочинения Геродота, Фукидида и Полибия, но порою и подражали своим великим предшественникам. Однако это отнюдь не рабское копирование лучших образцов античной историографии. Это — *органическая связь античной и ранневизантийской исторической науки*, порожденная всем мировоззрением, образованием, воспитанием византийских историков IV — первой половины VII в., как бы впитавших с молоком матери преклонение перед античной цивилизацией. Для большинства византийских историков раннего периода, получивших широкое образование в античном духе, античная историография была вершиной творческой мысли, однако, преклоняясь перед прославленными историками прошлого, они вносили в освещение исторических событий много своего, оригинального, нового. И думается, что некоторых византийских историков, таких, как Аммиан Марцеллин, Зосим, Приск Панийский, Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, по широте мышления, силе и оригинальности образа мыслей, знанию жизни можно поставить в один ряд с античными авторами.

В произведениях ранневизантийских историков светского направления как бы слились, смешались воедино элементы античной и новой, нарождающейся средневековой культуры. Мировоззрение этих авторов еще носит на себе родимые пятна идеологии рабовладельческого мира. Это находит свое выражение в прославлении величия Рима и римской миродержавной исключительности, в явных или тайных симпатиях к умирающему язычеству, в своего рода «консервативной» политиче-